

УДК 821.161.1"19"

Чупринова Н.В.

Московский государственный областной университет

**ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ САЛОНОВ НА ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

N. Chuprinova

Moscow State Regional University

**THE INFLUENCE OF THE LITERARY SALONS
ON THE WOMEN'S LITERATURE IN THE FIRST PART OF THE 19th CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена такому явлению русской культурной жизни, как литературный салон. Автор рассматривает особенности появления русских литературных салонов первой половины XIX в. и даёт характеристику тем салонам, организаторами и духовными вдохновительницами которых были женщины – А.П. Елагина, Е.И. Голицына, Е.А. Карамзина, С.Д. Пономарёва, З.А. Волконская, К.К. Павлова. Пристальное внимание в статье уделяется салонам З.А. Волконской и К.К. Павловой, хозяйки которых являлись писательницами. Их творчество автор статьи анализирует в контексте существования литературного салона.

Ключевые слова: литературный салон, хозяйка литературного салона, женское творчество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of literary salons that played a great role in the Russian culture of the 19th century. The author of the article investigates the peculiarities of the Russian literary salons and the reasons of their appearance and characterizes the salons which were created by women. The most famous salon-holders were A. Elagina, E. Golizyna, E. Kareamzina, S. Ponomareva, Z. Volkonskaya, K. Pavlova. The author pays the great attention to the salons of Z. Volkonskaya and K. Pavlova who were the writers as well. In the article, the author investigates the prose and poetry of Z. Volkonskaya and the poetry of K. Pavlova in the context of literary salon's existence.

Keywords: literary salon, salon-holder, women's literature.

В настоящее время слово *салонный* зачастую воспринимается как синоним чего-то неестественного, жеманного. Салонный, по современным меркам, – это «лёгкий, поверхностный, пустой» [15, с. 15]. А ведь всего каких-то два - три столетия назад салон был образцом великолепия, изящества и красоты.

Салон (от фр. *salon* – «гостиная») как общественное явление впервые появился во Франции в начале XVII в., в эпоху Людовика XIII. Выполняя роль своеобразного «кружка по интересам» (одних увлекала политика, других – искусство и литература, третьих – наука и т. д.), салон со временем стал в Европе символом культурной жизни, где гости обменивались новостями, спорили, читали стихи, обсуждали злободневные вопросы общественно-политического и культурного характера.

В России салонная культура начала зарождаться намного позже: первые салоны появились в конце XVIII в., однако особого расцвета они достигли лишь к 20-30-м гг. XIX столетия. В салонах и кружках зарождались жаркие споры на самые животрепещущие темы, касающиеся не только литературы, но и философии, религии. Это были уютные аристократические сообщества литературной и художественной жизни. Салоны посещали не только писатели

и поэты, но и художники, музыкальные и литературные критики. Всё это способствовало разностороннему развитию посетителей салонов.

Актуальной задачей представляется изучение роли салонов первой половины XIX в. на формирование литературных и филологических воззрений женской половины литературного общества того времени.

Отношение общественности к литературной деятельности женщин в основном было отрицательным. В салонах же, хозяйками которых, как правило, являлись именно женщины, решалась извечная проблема интеллектуального общения, женщины приобретали общественную значимость. Очень редко женщины обучались в пансионах; их образование, чаще всего, было домашним. И хотя зачастую это домашнее образование было превосходным, литературные салоны являлись своеобразными «литературными университетами», «живыми библиотеками», камерными театрами.

То, что литература среди всех культурных интересов российского общества XIX в. заняла пальму первенства, можно объяснить особым взглядом передовых людей той эпохи, считавших, что именно этот вид искусства способен удовлетворить духовные запросы человечества. Об этом мыслитель И.В. Киреевский в своей статье «Обозрение русской литературы за 1831 год» рассуждает так: «Между тем как в других государствах литература есть одно из второстепенных выражений образованности, у нас она главнейшее, если не единственное <...> Единственным указателем нашего умственного развития остаётся литература» [8, с. 101, 102].

В московских и петербургских салонах можно было познакомиться с новинками литературы и искусства, узнать много интересного о новых литературных течениях, направлениях, идеях, здесь обсуждались только что увидевшие свет литературные произведения, велись дискуссии.

Духовными вдохновителями литературных салонов были, как правило, женщины.

Обладающие незаурядным умом, непревзойдённым талантом и удивительными душевными качествами хозяйки салонов – Е.И. Голицына, С.Д. Пономарева, З.А. Волконская, А.П. Елагина, А.О. Смирнова-Россет – формировали литературные вкусы, сосредоточив вокруг себя лучших представителей политики, литературы, изобразительного искусства и музыки первой половины XIX в.

Наиболее значительным салоном того времени считался салон А.П. Елагиной, который был средоточием и «сборным местом» всей русской интеллигенции – всего того, как писал К.Д. Кавелин, «что было у нас самого просвещённого, литературно и научно-образованного» [7, с. 1118]. Дом Елагиных у Красных ворот принимал всю аристократическую богему той эпохи. Это были писатели и учёные – профессора Московского университета и их ученики. Гостеприимный дом Елагиных посещали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев, С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы, А.И. Герцен, А.С. Хомяков, К.Д. Кавелин и др. Салон Елагиной можно отнести к разряду московских славянофильских салонов. Авдотья Петровна Елагина разделяла идеи «любомудров» С.Е. Раича и Н.А. Полевого. А в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в салоне проходили живые споры западников и славянофилов. Старшие сыновья Елагиной, братья Киреевские, стали известными литераторами. Иван Васильевич Киреевский является основоположником теории славянофильства. В салоне Елагиной формировались политические и патриотические воззрения женщин, углублялись познания русской истории.

Поздними вечерами, когда во многих домах уже тушили свечи, ярко светились окна во дворце княгини Е.И. Голицыной на Большой Миллионной. В гостиной «ночной княгини», как её называли, «собиралось немногочисленное, но избранное общество, состоящее в основном из поэтов и учёных. Вся обстановка этого „храма“ создавала настроение чего-то необычного, даже таинственного» [17, с. 338].

Одной из самых образованных и умных женщин своего времени слыла Е.А. Карам-

зина, в гостеприимном доме которой каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного мира. А.Ф. Тютчева вспоминала: «В гостиной Карамзиной предметом разговоров были не философские вопросы, но и не петербургские пустые сплетни. Литература, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе <...> составляли чаще содержание наших бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздней ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней душевной петербургской атмосфере было особенно полезно» [16, с. 73]. Гостиная Карамзиной, как вспоминал другой современник, была единственной в Петербурге, где не играли в карты и говорили по-русски [18].

Широкую известность среди молодых литераторов получил салон С.Д. Пономарёвой, именуемый «Обществом любителей словесности и премудрости» (в последнем слове обыгрывалось имя хозяйки салона – Софии, переводимое с греческого как «премудрость»). Как отмечал один из посетителей этого литературного собрания, Д.Н. Свербеев, двоюродный брат А.А. Дельвига, «его добродушная хозяйка умела завлечь в свою гостиную всех тогдашних литераторов, декламировала перед ними их стихотворения и восхищала своей игрой на фортепиано и приятным пением» [17, с. 432]. С.Д. Пономарёва писала также стихи, однако её литературное творчество (большой частью это были переводы) сохранилось плохо. Считая себя непрофессиональным литератором, она предпочитала наслаждаться творчеством профессиональных поэтов.

Большинство хозяек литературных салонов, будучи высокообразованными людьми своего времени, выполняли роль организаторов и духовных вдохновителей «царства муз», где в центре внимания находились, как правило, литераторы-мужчины. Однако в недрах литературных салонов начинает постепенно формироваться и женское литературное творчество.

Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом княгини З.А. Волконской, урожденной княжны Белозерской, где собиралось «самое блестящее общество первопрестольной столицы: литераторы и художники обращались к ней как бы к некоему меценату и приятно встречали друг друга на её блистательных вечерах, которые она умела воодушевить с особенным талантом» [3, с. 192 – 193].

Любовь к литературе и искусству З.А. Волконская унаследовала от отца, чему способствовало окружавшее её с детства просвещённое общество, великие произведения искусства и художественные памятники классического мира. Получившая прекрасное воспитание и образование, Волконская рано начала пробовать себя на литературном поприще.

Первый сборник, состоявший из четырёх новелл молодой писательницы, вышел в 1818 г. Первая из них, «Лаура», автобиографична. Судьба героини этой новеллы, женщины умной, впечатлительной, любознательной, напоминает судьбу самой Волконской, которая к тому времени успела пережить и неудачное замужество, и неразделенную любовь.

Несмотря на то что действие повести происходит во Франции, З.А. Волконская описывает знакомую ей жизнь великосветского общества, со всеми его слабыми сторонами. Героиня повести Лора – такая же впечатлительная и увлекающаяся натура, какой была и сама княгиня. Даже внешне она напоминает портрет Волконской, написанный К. Брюлловым в 1830 г.: грустное выражение больших задумчивых глаз, греческий профиль, красиво очерченный детский рот. Лора рано выходит замуж и вступает в новое для неё великосветское общество, которое ослепляет её своим наружным блеском. Она с увлечением предаётся всем светским удовольствиям. Но вскоре, убедившись в пустоте и мелочности окружающего её общества, ис-

пытав предательство мнимых друзей, клевету и злословие, она, поражённая до глубины души лицемерием «света», решает начать новую жизнь. Она с жаром предаётся искусству и наукам, находя в них душевное успокоение.

Повесть «Лаура» оказалась пророческой. Уехав в 1820 г. в Италию, которая была её «духовной родиной», З.А. Волконская, обладавшая великолепным голосом, открыла там музыкальный салон. Постепенно эти музыкальные вечера преобразовались в оперу, а сами зрители превратились в актёров.

Осенью 1824 г. З.А. Волконская переезжает в Москву, которая в 20-х годах XIX столетия представляла собой центр умственного и литературного движения в России. Будучи не только светской дамой, но уже признанной писательницей, композитором и певицей, она селится во дворце своей мачехи А.Г. Белосельской-Белозерской в центре Москвы, на углу Тверской и Козицкого переулка, где и открывает свой литературный салон.

Всё в доме З.А. Волконской носило отпечаток служения искусству. Хозяйка салона, знакомая с детства с памятниками древности, сокровищами живописи и скульптуры, украсила свои залы фресками, убрала статуями, оригиналами и копиями знаменитых картин. В вестибюле стояли бюсты Мольера и Чимарозы, говорящие о содружестве литературы и музыки.

П.А. Вяземский утверждал, что «вести салон» может только просвещённая женщина. «Ум женщины, – писал поэт, – тем и обольщает и господствует, что он отменно чуток на чужой ум. Женский ум часто гостеприимен, он охотно заказывает и приветствует умных гостей, заботливо и ловко устраивая их у себя, так проникательная и опытная хозяйка дома не выдвигается вперед перед гостями, не перечит им, не спешит перебить у них до рогу, а, напротив, как будто прячется, чтобы только всем было просторно и вольно» [6, с. 184 – 185]. Именно такой и была княгиня З.А. Волконская, которая, обладая всеми известными дарованиями и талантами, открывала многим своим современникам дорогу к литературному успеху.

В конце 1824 г. салон княгини З.А. Волконской становится «изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества» [3, с. 195]. Тут, как отмечают М. Аронсон и М. Рейсер, «соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодёжь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники» [там же].

В доме княгини Волконской можно было встретить почти всех известных поэтов того времени: В.А. Жуковского, князя П.А. Вяземского, Е.А. Боратынского, Н.М. Языкова, А.А. Дельвига, Д.В. Веневитинова. Последний, безнадежно влюблённый в хозяйку салона, посвятил ей следующие строки:

*Зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты я страсти безотрадной?*
[4, с. 68].

19 ноября 1825 г. З.А. Волконскую постигло большое горе: умер горячо любимый ею император Александр I, с которым княгиню связывала многолетняя дружба. И она изливает свою скорбь в стихах, которые были напечатаны во втором номере «Дамского журнала» за 1826 г., а позже в этом же году опубликованы и в «Московском телеграфе»:

*Где Царь, где Сын, Супруг,
Несчастных щит и друг,
Могучий Князь и Христианин,
Герой, в порфире Россиянин? –
Где Ты, о Рыцарь наших лет!
Явись! – Твой вид нас оживляет:
Краса души в тебе сияет,
А честь Твоя, как свет,
На доблестном челе блистает.
Глядишь – душа в Твоих очах,
Речёшь – душа в Твоих словах.
Брат ратникам и Вождь любимый,
Смиранный, непоколебимый,
Посредник праведный, на троне человек,*

*Гряди в Москву! Ея ты столп и сила:
Она Европе возгласила,
Что век Твой, Россам славы век!
Где Ты, Отечества Сын милый?
Где Ты?... Но с Юга звук унылый
До нас дошёл... уж нет его!
Несёт народ Монарха своего,
Несёт... куда? – в гробницу...
О Боже!.. Но устав закона Твоего
Велит хвалить разящую десницу?
Он там, где времени конец,
Где злобе бурь мирских предвечная препона.
На что Ему здесь брэнная корона?
Бессмертному, бессмертный и венец!
[11, с. 3 – 4].*

Позже эта эпитафия была положена автором на музыку.

С окончанием эпохи Александра I пришёл в упадок и литературный салон З.А. Волконской. Вместо литературных гостиных хозяйка салона стала проводить у себя в доме музыкальные вечера. «Дом её, – вспоминал П.А. Вяземский, – был как волшебный замок музыкальной феи: ногою ступишь на порог, раздаются созвучия, до чего ни дотронешься, тысяча слов гармонических откликается. Там стены пели, там мысли, чувства, разговор, движения – всё было пение» [17, с. 393].

Однако недолго оставалось княгине быть в России. Наступила новая эпоха – эпоха Николая I, начало которой ознаменовалось восстанием декабристов и последовавшими за ним казнями и ссылками на каторгу. Теперь дом свободолюбивой Волконской наполняется мрачными красками и тёмными тонами.

Адам Мицкевич, в 1826 г. посетивший салон Волконской, был поражён приветливым обхождением хозяйки и элегантной роскошью обстановки. Однако теперь в «приюте муз», стены которого раньше были окрашены в розовато-сиреневые («цвета мальвы») тона, а пол покрывала чёрно-белая мозаика, словно живут тени прошлого. Польский поэт рисует такую картину: «В темноте её взором лучистым ведомый, / по блестящим паркетам вслед белому платью / я вхожу<...> Здесь

всё прошлое мира по слову / красоты собралось<...> / Мир – мозаика, сделан из мелких обломков, / в каждом – пламя искусства и весть для потомков» [17, с. 402].

Вскоре княгиня З.А. Волконская покинула пределы родины, связав свою судьбу с итальянским тенором М. Риччи и приняв католичество. Её место занимает юная поэтесса Каролина Павлова (в девичестве – Яниш), поэтическое дарование которой начало раскрываться в литературном салоне З.А. Волконской.

В конце 30-х гг. XIX в. литературный салон К.К. Павловой становится самым известным в Москве. На её вечерах бывали С.Т. и И.С. Аксаковы, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, Е.А. Боратынский. Перед второй ссылкой на Кавказ салон К.К. Павловой посетил М.Ю. Лермонтов.

В эти же годы К.К. Павлова начинает печататься в русских журналах. В «Москвитяине» публикуется её программное стихотворение «Мотылёк», в котором поэтесса выступает за свободу искусства. Обращаясь к художнику, она пишет:

*Внезапно расширил ты крылья,
Узнал себя сыном небес.
Покинь же земную обитель
И участь прими мотылька;
Свободный, как он, небожитель,
На землю гляди свысока! [13, с. 83].*

Тема избранничества поэта, «святого небожителя», становится постоянной темой творчества К.К. Павловой. Она пишет о высокой душе поэта, духовный мир которого способен преобразить действительность.

Постепенно Павлова сближается со славянофилами, отстаивая религиозность и патриархальность самобытной русской души. Но всё же основная тема её творчества – «лирика женского сердца»:

*Люблю я вас, младые девы;
Люблю грусть жизненной весны,
Мечты неясные напевы,*

Ещё неведующей Евы

Люблю таинственные сны [13, с. 64].

Вместе с тем поэтессу нередко упрекали в холодности и рассудочности. Даже И.С. Аксаков, большой её поклонник, писал: «Душевная искренность у неё только в художественном представлении, вся она ушла в поэзию, в стихи, вместо чувства какая-то внешняя экзальтация» [9, с. 22]. Справедливо ли такое утверждение? Возможно, современники за сдержанностью стиля не захотели заметить борьбу страстей, спор сомнения с верой, разочарования с надеждой. Вчитаемся в эти строки:

*О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела;
Много в жизни встретила зла,
Много чувств я истратила даром,
Много жертв невпопад принесла* [13, с. 63].

Эти стихи написаны 28 декабря 1854 г. Они навеяны испытаниями, которые выпали на долю К.К. Павловой: произошёл разрыв с мужем, умер от холеры отец, она теряет друзей, единомышленников. Но:

*Веры в слёзы, слова и улыбки
Вырвать ум мой из сердца не мог* [13, с. 63].

Она оставляет Москву и вместе с матерью и сыном уезжает в Дерпт. В 1858 г. поэтесса окончательно покидает Россию и избирает местом жительства Дрезден.

Практически всю первую половину XIX столетия можно назвать «временем салонов». Сколько их было тогда, подсчитать невозможно, но все они были знаковым явлением культуры России того сложного, противоречивого времени. Постепенно русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, «плавно перешла в философские сообще-

ства, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии» [11, с. 215].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айхенвальд Ю.И. К.Павлова. – В кн.: Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 589 с.
2. Арапова А.П., Пушкина-Ланская Н.Н. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 343–345
3. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – М.: Аграф, 2001. – 398 с.
4. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. – М.: Наука, 1980. – 608 с.
5. Вяземский П.А. Письмо А.И. Тургеневу // Остафьевский архив. – СПб., 1899. – Т.3. – С.223.
6. Вяземский П.А. Старая записная книжка. – Захаров. – М., 2000. – 364 с.
7. Кавелин К.Д. Сочинения: В 4-х т. – СПб: Тип М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 3. – 1256 с.
8. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – 439 с.
9. Лебедев Е.Н. Познания роковая чаща (лирика Каролины Павловой) // Павлова К.К. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 5–38.
10. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / под ред. Н.Л. Бродского. – М.: Аграф, 2001. – 496 с.
11. Московский телеграф. – 1826. – Ч. VII. – С. 3–4.
12. Муравьева И.А. Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. – СПб.: Крига, 2008. – 544 с.
13. Павлова К.К. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1985. – 239 с.
14. Семёнова Е.В. Литературные салоны в России XIX века: начало кристаллизации русской философской культуры // Научные ведомости. – 2008. – № 8. – С. 209 – 215.
15. Словарь русского языка (СРЯ): В 4-х т. – М.: Русский язык, 1988. – Т. IV. – 797 с.
16. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. – М.: Мысль, 1990. – 192 с.
17. Чижова И.Б. Чистейшей прелести чистейший образец. – М.: Эксмо; СПб: TerraFantastica, 2004. – 688 с.
18. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. – СПб.: Издательство «Лань», 2002. – 576 с.